

Эпизод \[113й]///

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ. ВТОРОЙ РАУНД

- >> Хотеевские ловушки
- >> Волк останется голодным
- >> Караул
- >> Правда и ложь – в афоризмах и диалогах из кино

<< Схема Регулятора давления РД-2И-29

9 августа 1972 г. (среда)

— Дядя Лёша, а это кто?

□□□□□ — А это, Славочка, называется «трындец»! Из худ. сериала «Цыганки» <<••>>

— Не бейте меня по голове, это моё больное место!

□□□□□□□□□□ — Это ваше пустое место! Из худ. к/ф-ма «Служебный роман» <<••>>

— Кто врёт с утра, тот, как известно, врёт до самого вечера.

Из худ. к/ф-ма «Волшебный голос Джельсамино»

Разбор полётов в экипаже начался с того, что Трошин сообщил: командиром звена я отстранён от полётов.

— На неопределённое время, — тоном заправского садиста добавил он.

И опять на неопределённое время! Такое впечатление, что ему доставляет удовольствие именно это мне извещать.

Тут в классе с решительным видом возникает Хотеев.

— Смирно! — командует нам инструктор.

Мы вскакиваем со своих мест и вытягиваемся в струнку. Наш командир экипажа не делает даже попытки привстать со своего стула. И мне это откровенно не нравится. Получается, что командир звена является начальником лишь для нас, курсантов. Такая

двойная мораль наших офицеров (мол, устав писан не для них) меня всегда внутренне раздражала.

Равиль строго осматривает нас, затем останавливает свой тяжёлый взгляд на моей персоне и командует:

— Вольно! Садитесь!

Я усаживаюсь вместе со всеми. Ненадолго, правда.

Хотеев – мне:

— Давай, рассказывай!

— Так, я уже рассказывал! — поднимаю я брови, прекрасно понимая, что повествовать снова всё-таки придётся.

— А ты, ядрёна вошь, будь добр, ещё разок расскажи! Да поподробнее! Меня интересуют нюансы!

И я заучено повторяю свои действия и ощущения в том полёте. Последнее – для правдоподобности.

— Ты прилетел, флажок крана герметизации задней кабины был в верхнем положении. Как ты это объяснишь?

«Ага! Щаз-з-з! Таким приёмчиком вы разговаривать будете неучей-первокурсников!» — подумалось мне.

— Понятия не имею!

— Ты же отлично знаешь авиатехнику! Я знаю хуже! Давай, объясняй! Я поверю!

— Не знаю, — снова говорю я, благополучно избегая ловушки.

— Ты видел, как техник герметизировал заднюю кабину?

— ...Ммм... Да, — искусственно неопределённым тоном, с мычанием и после запинки говорю я.

— Видел или нет?

Я делано вздыхаю и молчу.

— Видел?

— ...Да.

— Врёшь! За обман – пять нарядов вне очереди!

«Вот же сссука! Опять пять нарядов! Вернулись старые добрые апрельские времена!»

— Есть, пять нарядов, — пожимаю плечами, хотя до меня доходит, что это всё пустое, так, для отвода глаз.

— Так что, под воздействием перегрузки открылся кран герметизации второй кабины?

— Чушь какая-то! Я в это не верю! Да и какая там перегрузка – на взлёте?

— Значит, у тебя была кабина разгерметизирована!

— Во-первых, техник видел, как я её герметизировал! А во-вторых, зачем же я тогда докладывал РП? — поднимаю я удивлённо бровь. — Закрыв бы кран, всем шумам конец! Никто бы ничего и не узнал! Всё шито-крыто!

Хотеев в раздумье посмотрел на меня:

— Или ты мне врёшь, или я – идиот!

— Я вам не вру!

— М-да... Что-о?

— Да нет, я ни на что не намекаю! Сказал просто, что не вру...

— Но ты сам понимаешь: флажок герметизации в верхнем положении – значит,

кабина техником с внешней стороны герметизировалась! Может, на техпосту разгерметизировали?

— А зачем? Нет, они туда не лазили! И потом, флажок оказался бы в нижнем положении!

— Ммм... А, ну да! Тогда как? Ты сам видишь, что никак не получается! Твоя версия не проходит!

— А у меня, товарищ капитан, нет версии! Вернее, она у меня есть, но я с ней не согласен! — и слегка закусил губу в улыбке, давая понять, что это шутка.

Хотеев шутку оценил – хохотнул, не сдержавшись. Потом снова стал серьёзным:

— Вот видишь! Хотя постой! А! Ну, конечно! — потирая лоб и как бы вспоминая, говорит Равиль. — РД-2И¹! Сильфоны заклинило в открытом положении! Вот и шумело! Так?

«Дёшево работаете, товарищ капитан! Вам не повезло! Вот если бы я плохо знал конструкцию и эксплуатацию самолёта, его оборудования! Сейчас! Сейчас я вам устрою спектакль! Посмотрим, кто кого хитрее!»

И я решаюсь отвлечь командира звена своим развязанным поведением: так виновные курсанты себя не ведут!

— Значит, РД-2И, говоришь? — наседает кэээ, будто я действительно это сказал.

— Мгм! ПК-29²! — кивнув, отвечаю я.

— Что, ПК-29?

— А что РД-2И?

— Не понял!

— Товарищ капитан! «Какая станция, такая и бомба!»

— Что-что?

— Ничего! Притча партизанская есть такая.

Трошин только хмурится. Ответы мои, интонация, а, может, и то, и другое ему явно не нравятся. Но он в разговор не вмешивается.

— Может, товарищ старший лейтенант Трошин сейчас скажет, что это наглость с моей стороны, но я всё-таки скажу!

И, хотя инструктор не делает попыток что-то говорить, Равиль чуть повернув в его сторону голову, но, не спуская с меня своих коварных азиатских глаз, на всякий случай ему говорит:

— Подожди. Пусть поразглагольствует. Я его сам потом накажу! Так, что там у тебя?

Я молчу.

— Чего приумолк, голубь ты мой сизокрылый? Что, заклинило сразу?

— Нет, не заклинило! Просто не хочу быть наказанным! — снова пожимаю я плечами и смотрю прямо в капитанские глаза.

— Ладно! Не накажу! Давай, давай, говори! — и ухмылка поползла по восточному лицу Равиля: — Слышать ваш голос, товарищ курсант, — наслаждение для нас всех!

— Петь перед вами, товарищ капитан, я не собираюсь!

Брови КЗ удивлённо прыгнули вверх. И Хотеев снова коротко хохотнул. Передышко, Самойченко и Журавлин, пряча свои улыбки, тоже низко опускают свои головы. Трошин нахмурился.

— А вот что касаясь вашей версии, то это простейший полицейский трюк! Припираете к стене «фактами» и «фактиками», убеждая и доказывая, что так, как я

излагаю, быть не может. А потом, как бы жалея, подсказываете простейший «выход»: РД-2И! Если что-то было не так, как рассказывается, жертва хватается за эту спасительную соломинку и начинает «вспоминать», что, мол, конечно, «я повертел маховик регулятора и шум стих». И всё. На крючке! Дальше ничего доказывать и не надо. Всё ясно без слов. Разве нет? Поэтому подбрасываете такие ответики! А всё элементарно! И вы, и я знаем, что сильфоны регулятора давления до двух тысяч метров и так открыты! С чего же это их должно клинить? Это раз!

Я театрално вздыхаю. В этом месте, пожалуй, даже сам Станиславский закричал бы: «Верю! Едрёный корень, верю!»

— Второе. Получается, в других полётах регулятор после взлёта не шумит, а в моём случае вдруг «зашумел»? И ветерком потянуло именно через РД-2И?

Хотеев снова коротко усмехнулся. И тут же делается серьёзным:

— Но если не РД-2И, не ПК-29 – что тогда?

«Ага! ПК-29 у вас тоже был в загашнике?»

Я молчу.

— А что ты там говорил про бомбу и станцию?

— Так, ничего. Притча есть партизанская. Потом!

— Рассказывай сейчас! Что за партизанская притча?

— Было это во время войны, на оккупированной территории. Одному подпольщику удалось устроиться в депо к немцам машинистом и добиться доверия оккупантов. Он много добыл ценных сведений. А однажды на явочной квартире сообщил: «Немцы недалеко от станции Ивановки понастроили всего. Передайте на Большую землю, чтобы её не бомбили: сама станция и склады, что на ней – липовые! Сплошь бутафория! Дерево!» Сведения тот час передали в Москву. Через неделю машинист появляется на явочной квартире. А ему руководитель подполья и говорит: «Максим Максимович, вчера наши твою станцию бомбили!» — «Как же так? Я же предупреждал! Бутафория! Подделали ироды окаянные под склады боеприпасов и ГСМ. Дерево, а не станция!» — «Да нет, Максим Максимович! Вы не так поняли! Наши просто летели мимо и сбросили на эту станцию одну-единственную бомбу, деревянную с надписью по-немецки: “Welche Station, eine solche Bombe!” (“Какая станция, такая и бомба!”)».

Хотеев смеётся, ему нравятся такие неординарные истории. И говорит:

— Ну, ладно! Уберём регулятор!..

— На следующий день немцы липовую станцию и свернули...

— А без РД-2И... Тогда что?

— Да, товарищ капитан! Видимо, вам придётся придумывать другую дырку в самолёте, через которую всё шумело у меня в кабине! — набираюсь я смелости и нагло растягиваю губы в улыбке.

— Вентиляция от скоростного напора?

— Я её перекрывал! Шум продолжался. Вы не забыли, что мне всё-таки пришлось герметизировать второй «кабинет»? И странное дело! Именно после этого шум взял и стих.

«Мгм! Боже мой, у него же против меня ничего нет! А откуда у него что-то должно взяться? Я ведь ему козырей не сдаю! Чуть-чуть прошёлся рядышком, но я его увёл в сторону! Однако копает, зараза! Почему надо меня отстранять от полётов? Поэтому извини, дядя Равиль, но это – ложь во спасение! Мерзопакостно, конечно, но... Не хочу быть отстранённым! Иду ва-банк!»

— Значит, шум, говоришь? Почему же, когда мы с тобой бывали в зоне, ты этого шума не слышал? Ведь у меня всегда кабина разгерметизирована в полёте с вами, курсантами. Чтобы жарко не было. Всегда разгерметизирована! Смекаешь? — и смотрит на меня, а в зрачках хитринка.

Это «смекаешь» тоже плутовское! Оно призвано меня убедить, что это именно так!

— Когда? — переспрашиваю я, понимая, что мне вешают лапшу на уши, и, не сдержавшись, хихикнул и даже прикрыл рот рукой.

Кэээ мой смех явно не нравится. Он понимает, что я опять не поведусь на это.

— Всегда, ё* твою, всегда! Во всех полётах! — и добавляет «существенную» деталь. — Я никогда не герметизируюсь! Понял?

Наши уже вообще головы низко держат над тетрадами, а плечи Шурко вздрагивают. Не от рыданий, а от смеха.

«Ой-ой-ой! Вы это расскажите кому-нибудь другому!» — мысленно причитаю я. А вслух с наглой улыбочкой говорю:

— А почему же тогда в полётах с вами я этого шума никогда не слышал? Почему у нас в кабинах всегда жарко, пока не наберём высоту? — и, глянув на Передышко, не сдержавшись, снова хохочу, явно не к месту. И сквозь смех с трудом продолжаю: — Почему я ни разу не видел (мой смех) загорание на табло сигнала «Давление в кабине» (мои хохотки), что по Инструкции (мой хохот) является признаком разгерметизации кабин? (Смеюсь, пытаюсь сдержаться) Почему перепад по УВПД (ещё смеюсь) всё время не на нуле (хохочу), а «высота в кабине» (заливаюсь от смеха) в два раза меньше высоты приборной? (Стараюсь стать серьёзным.)

«Что, съел, хитрован?»

Я опять закусываю нижнюю губу, но сдержать себя не могу. Теперь уже хихикаю вовсю! Даже обеими руками закрываю лицо. Он всегда не герметизирует кабину, а я этого не замечаю – обоср*аться можно от смеха!

Мой хохот заставляет смеяться всех наших уже открыто. Хотеев тоже не может сдержаться, хохочет, с меня, наверное. Я его не вижу, а слышу. Только Трошин, кажется, не смеётся.

Потом, сделавшись серьёзным, убираю руки от лица. Тыльной стороной ладони смахиваю слёзы смеха с ресниц.

— Извините, товарищ капитан! Ей-богу не сдержался! Ну, смешно ведь! Вы такие вещи рассказываете!

И отвернувшись, снова начинаю несдерживаемый смех. Затем откашлялся, повернулся, смотрю глаза в глаза на грозное начальство. Оно тоже, спрятав улыбку, смотрит на меня солидно. Трошин улыбается, опустив глаза в стол.

— Гм... Чёрт!.. Ннну, хорошо! — Равиль перевёл взгляд в окно и задумчиво медленно добавляет: — Я тебе верю!

С этими словами командир звена резко поворачивается к двери и уходит. Чтобы не расхохотаться! И уже за дверью слышен его удаляющийся смех.

«Да неужто? Что-то здесь не так! — думаю я, усаживаясь. — Уж слишком легко сказана эта фраза: “Я тебе верю!”»

Тут снова дверь открывается, кэээ заглядывает к нам, не заходя в класс. Равиль грозит мне пальцем, изрекает:

— Пойдёшь в наряд с субботы на воскресенье!

— За что? За то, что вы мне верите? Ну и ну! — изумляюсь я. — Да вы должны

гордиться, товарищ капитан, что у вас есть такой курсант, как я, который отлично знает авиатехнику!

— Потом я тебе скажу, за что! — он всё ещё грозит мне пальцем.

Но продолжить у него не получается. Смех его одолевает. И сквозь хохот кэээ добавляет:

— Я тебе, ё* твою... Ты у меня...

Дверь прикрывается. Но пару секунд, пока Хотеев удаляется от двери, слышны его хохотки.

Никогда не думал, что на разборе моей ошибки буду так хохотать!

Это не Хотеев, а конь с яй... Гм-гм! Отставить! А то действительно потеряю субботний вечер в наряде!

Ладушки, второй раунд тоже за мной! Но ведь будет третий? Посмотрим!

Вдогонку:

•>> — Ну, смотри себе! Соврал – трамвай за счастье станет! Из худ. сериала «Ликвидация»

•>> — Говорить правду – главная цель качественного вранья!

Из худ. сериала «Метод Фрейда»

•>> — Я врал! Я вру!

□□□□ — Всегда?

□□□□ — Почти!

Из худ. к/ф-ма «Ирония судьбы. Или: С лёгким паром» <<•>•<>>

Перед ужином заступаю в караул под Знамя. И глубоко ночью, вместо того, чтобы перед заступлением на пост спать, долго ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь угадать, что Хотеев придумает в следующий раз. И решаю, что следующий этап – проверка в воздухе! Ему больше ничего и не остаётся! Ведь на его месте я бы так и поступил!

Видя, что я никак не могу заснуть начальник караула Толик Омельяненко, улыбаясь, проговорил:

— Давай, спи быстрее! Скоро на пост!

Но я только перед самым заступлением под Знамя проваливаюсь в беспокойный и совсем неосвежающий сон. И минут через двадцать меня трогают за плечо:

— Юра, вставай!

Открываю глаза. Передо мной стоит Толян:

— Пошли! Женьку [Щербакова] менять пора!

Я тяжело вздыхаю. Любое «сегодня» было когда-то желанным «завтра». Вот и я: мечтал поступить в Харьковское лётное – заполучи скандал в виде бессонных ночей в карауле! Бог ты мой, как я ненавижу в армии все ранние утренние подъёмы и эти бессонные ночи!

Делаю усилия над собой и поднимаюсь. Где-то я прочёл, что 30% жизни человек спит. А остальные 70%? Судя по моему состоянию, остальное время люди мечтают хорошо поспать!

Через пять минут я уже стоял на посту невыспавшийся и злой. А довольный Евгений

под водительством нашего начкара удаляется в караульное помещение дрыхнуть. И я ему откровенно завидую!

Ну ничего! Завтра я, наконец, оторвусь по-полной! Знал бы Женька, о чём речь, тогда бы он бы мне позавидовал!

Cicatrix conscientiae pro vulnere est³
<<•>> — Все говорят. Нет правды на земле.

□□□□ Но правды нет и – выше. Александр Сергеевич ПУШКИН, «Моцарт и Сальери»

<<•><><•>>

<<•>>

— Всем известно, что правду говорят только те, у кого нет остроумия.

Фёдор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ, «Идиот»

<<•><><•>>

<<•>>

— Нельзя, топ шер, везде всё говорить, что только думаешь.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ, «Война и мир»

<<•><><•>>

<<•>>

— С правдой дома сидеть не приходится! Потому она, правда-матушка, непоседлива! Ты

глядишь: как бы в избу да на полати влезти, ан она, правда-матушка, из избы вон гонит...

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, «История одного города»

<<•><><•>>

<<•>>

Джентльмен – это человек, который говорит правду по меньшей мере в тридцати случаях из ста.

Генри МЕНКЕН

<<•><><•>>

<<•>>

Человек и вправду схож с обезьяной: чем выше залезет, тем заметнее голая задница.

Фрэнсис БЭКОН

<<•><><•>>

<<•>>

При падении единственным смягчающим обстоятельством обычно бывает собственный зад.

Владислав ГЖЕЩИК

<<•><><•>>

<<•>>

Правда в вине: это значит, что в наши дни человек должен быть пьян, чтоб иметь желание говорить правду.

Фридрих РЮККЕРТ

<<•><><•>>

<<•>>

— Ты солгал мне!

□□□□□ — Пусть я президент мужского клуба лжецов, но ты ни в чём мне не уступаешь – возглавляешь женский филиал! Почётная обязанность! Из худ. сериала «Андромеда»

<<•><><•>>

<<•>>

— Правда может быть слепой. Правда может ослепить...

Из америк. худ. к/ф-ма «Военный охотник»

<<•><><•>>

<<•>>

— *Либо вы слишком умны, либо кто-то расплатился с вами вашей же монетой!*

Из америк. худ. к/ф-ма «Совокупность измены»

<<•><><•>>

<<•>>

— *Односложные ответы – ты либо устал, либо врёшь!*

Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус»

<<•><><•>>

<<•>>

— *Главная аксиома, применимая к людям – все лгут! А переменная только одна – о чём! Стоит кому-нибудь сказать, что он умирает, как человек мгновенно концентрируется на главном, и вы узнаете, что для него важно, ради чего он готов умереть! И ради чего врал!*

Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус»

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки **ЛУЧШИЙ-ХУДШИЙ**

(по пятибальной шкале) и нажав клавишу **РЕЙТИНГ** вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!

¹ РД-2И – регулятор давления в кабине самолёта. До 2000 м его клапана открыты. Далее сильфоны под воздействием атмосферного давления перекрывают патрубки и в кабинах создаётся давление, удобное для пилотирования.

² ПК-29 – предохранительный клапан, предназначен для стравливания излишнего давления воздуха в кабине, если система наддува и климатизации отказала.

³ Cicatrix conscientiae pro vulnere est (лат.) – Раны совести не заживают.